

А.В. Прокофьев

Мораль и исторические закономерности в марксистской этике (случай О.Г. Дробницкого)

Прокофьев Андрей Вячеславович – доктор философских наук, доцент. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

ORCID 0000-0001-5015-8226

e-mail: avprok2006@mail.ru

В статье проанализировано представление известного советского этика О.Г. Дробницкого о месте морали в закономерной истории человечества. Дробницкий фиксирует тот факт, что мораль решает «прозаическую и повседневную» задачу регулирования поведения членов «замкнутой социальной системы». Моральные требования и механизмы их воплощения в жизнь препятствуют совершению противообщественных поступков. Однако характер моральных требований таков, что их существование не может быть объяснено исключительно необходимостью решения «прозаической и повседневной» задачи. В идеалистической этике оно объясняется тем, что мораль имеет «внеисторически-трансцендентные», «личностные» истоки. Однако Дробницкий предлагает другое решение проблемы: мораль соответствует потребностям не только «замкнутых социальных систем», но и всего человечества, вовлеченного в закономерное всемирно-историческое развитие. Формальные «постулаты морали» (прежде всего идея общечеловеческого равенства) с течением времени наполняются все более и более адекватным нормативным содержанием в процессе классовой борьбы, и это содействует победе прогрессивных классов. Параллельно в моральных требованиях угадывается и предвосхищается закономерное будущее человечества – общество без эксплуатации, насилия и войн.

Ключевые слова: мораль, этика, законы истории, социальная статика, классовая борьба, равенство, коммунизм

Введение

Моральные требования и критерии оценки, а также система социальных, коммуникативных, индивидуально-психологических механизмов, направленных на их практическую реализацию, погружены в поток исторических изменений и с течением времени существенно изменяются сами. Последнее обстоятельство заставляет философов искать общие принципы исторической динамики морали. Они используют при этом два подхода: интерналистский, то есть допускающий самостоятельное развитие моральных представлений, в том числе в виде постепенного освобождения общих принципов от их превратных интерпретаций, и экстерналистский, то есть постулирующий зависимость моральных представлений от неморальных социально-исторических факторов. И в первом, и во втором случае философская мысль сталкивается с парадоксами и теоретическими тупиками. Экстернализм чреват восприятием морального мировоззрения в качестве вторичного и даже иллюзорного явления, интернализм – сползанием к наивному или агрессивному морализированию. При этом философ не может просто констатировать тот факт, что существует взгляд на историю через призму морали и взгляд на мораль через призму знания о природе исторического процесса. Философская мысль обречена на поиск объединения этих взглядов. Марксизм не является в этом отношении исключением.

Философ-марксист наталкивается на то обстоятельство, что многие обладатели морального сознания воспринимают социализм и коммунизм, являющиеся для него конечными стадиями закономерной человеческой истории, в качестве более соответствующих моральным принципам, более справедливых, чем предыдущие. Это обстоятельство можно трактовать в духе бескомпромиссного экстернализма. В марксистской системе координат такой подход означает, что моральная оценка закономерных стадий исторического развития несущественна или даже сбивает правильную оптику восприятия истории и тем самым препятствует правильной организации революционной борьбы. В этом русле находятся замечания классиков марксизма о том, что мораль – это надстроечное, сугубо идеологическое явление и «бессилие в действии». Тогда на повестке дня оказывается критика морали, которая, по замечанию А.А. Гусейнова, в методологическом отношении соответствует критике религии [Гусейнов, 2015, 647].

Однако квалификация социализма и коммунизма как более справедливых форм общественного устройства может восприниматься в марксистской теории и иначе: в духе очень сильно смягченного экстернализма, допускающего, что мораль играет особую, относительно самостоятельную роль во всемирно-историческом процессе. Этой позиции соответствуют другие замечания классиков, в которых моральные ценности и нормы предстают как заслуживающие внимания ориентиры деятельности революционеров. Во втором случае перед марксистской философской мыслью стоит задача по уточнению роли морали в истории и пределов ее самостоятельности по отношению к глубинным факторам исторических трансформаций.

В классическом марксизме эта задача не была решена, но на ее решение, начиная с рубежа 1950–1960-х гг., были направлены усилия советских этиков. В данной статье будет проанализирован тот вариант разрешения проблемы «мораль и история», который был предложен Олегом Григорьевичем Дробницким (1933–1973). Особенностью статьи является то, что она вводит в широкий исследовательский оборот малоизученный труд Дробницкого – докторскую диссертацию «Моральное сознание. Вопросы специфики, природы, логики и структуры нравственности. Критика буржуазных концепций морали» (1969) [Дробницкий, 1969].

Форма и содержание морали

Хотя Дробницкий завершает свою фундаментальную монографию «Понятие морали: историко-критический очерк» (1974) отказом от того, чтобы дать «полную, исчерпывающую и логически строгую дефиницию морали», основные элементы его представления о морали вполне очевидны и неоднократно собирались воедино исследователями [Дробницкий, 1974] (ср.: [Курхинен, 2015; Апресян, 2021]). Мораль является особой формой регуляции поведения человека в обществе. Эту форму регуляции отличает неинституциональный характер. В качестве неинституциональной формы регуляции мораль выделяется тем, что в процессе регулирования поведения решающую роль играет внутренняя убежденность человека в том, что определенные действия в каких-то типичных ситуациях являются правильными и обязательными к совершению (должными). Убежденность в том, что существуют должные действия, принадлежит не к сфере познания, а к сфере «волепринуждения», но при этом является аналогом убежденности в том, что существуют суждения, имеющие статус истинных. Другими словами, моральное требование воспринимается моральными агентами как объективно правильное и именно в силу этого исполняется или служит основанием для положительной оценки его исполнения. Система критериев моральной оценки применяется не только к действиям, но и к другим явлениям, определяющим параметры совместного существования людей (от мотивов и черт характера до различных элементов общественного устройства).

Объективная правильность делает моральное требование «безличным», то есть имеющим нормативную силу независимо от отличительных характеристик тех лиц, которые его выдвигают и к которым оно обращено. Однако безличность в морали имеет иной характер, чем в сфере обычной регуляции. Опора на уверенность в своей правоте позволяет моральному агенту поступать иначе, чем это делает большинство окружающих его людей, которые подчиняются господствующим в обществе обычаям и моральным нормам или же нарушают обычаи и нормы в условиях ослабления механизмов социального дисциплинирования. Совершение должных действий вменяется каждому человеку (такова одна из сторон универсальности морального требования), что не исключает, а, наоборот, предполагает определенную степень индивидуализации при выборе агентом своих поступков в конкретных жизненных ситуациях.

Нарушение морального требования влечет за собой применение негативных санкций, которые в сфере морали имеют идеальный характер. Моральной санкцией служит общественное осуждение, выраженное в виде негодования, возмущения или презрения окружающих и не влекущее за собой ни прямых материальных потерь человека, нарушившего требование, ни обращенных к нему понуждающих действий. Осуждение окружающих превращается в санкцию в силу того, что оно сопровождается самоосуждением нарушителя. То обстоятельство, что нарушитель имеет возможность уклониться от санкции, не признав мнение окружающих обоснованным, подчеркивает роль индивидуального сознания и «свободы личного усмотрения» в процессе моральной регуляции, оно подчеркивает, что моральная регуляция является в значительной мере саморегуляцией.

Все приведенные выше характеристики морали носят формальный характер, и в исследовательской литературе присутствует тезис, что у Дробницкого нет сколько-нибудь развернутой характеристики содержания моральных регулятивов [Апресян*, 2021, 253]. Однако для решения тех задач, которые философ ставил перед собой, вполне достаточным является простое указание на содержание морали, если это указание определено и недвусмысленно. Так, обсуждая вопрос об универсальности моральных требований, Дробницкий увязывает идею равенства всех людей перед моральным законом с идеей равенства их прав, которая выступает дефинитивным признаком морали [Дробницкий, 1974, 313–314]. Знаком того, что моральное сознание уже существует для Дробницкого, служит постулирование равной ценности каждого человека. Эта равная ценность диктует каждому моральному агенту самоограничение ради другого и стремление содействовать его благу. Дробницкий пишет, что одним из неотъемлемых полюсов морали, уравнивающих ее критический и идеалистический заряд, являются «требование совершать вполне реальные действия ради блага конкретных людей... требование отвечать за фактические последствия своих акций и ограничение допустимых средств во имя конечной цели» [Там же, 274].

Не совсем верно и то, что Дробницкий не приводит примеры конкретных моральных регулятивов, кроме требований «не убивай!» и «не кради!» [Апресян*, 2021, 253]. Например, в его докторской диссертации имеется развернутое обсуждение императива соблюдения договоров, выполнения обязательств и исполнения обещаний [Дробницкий 1969, 611–624]. Дробницкий фиксирует содержание нормативного концепта «справедливость» и утверждает, что основой критики социальной реальности является не только справедливость, но и человечность (гуманность) [Там же, 281, 244, 471]. При обсуждении проблемы целесообразности моральных требований Дробницкий указывает на центральную роль заповеди «не лги!» [Дробницкий, 1974, 373]. Обращаясь к теме универсальности, он упоминает свойственную нравственному сознанию терпимость (требование «уважать чужой обычай!») [Там же, 305].

С учетом того, что Дробницкий не пишет моралистический трактат или нормативно-этическое исследование, призванное сформировать рекомендации политической практике, можно утверждать, что ценностно-нормативное содержание морали обозначено им хотя и сжато, но достаточно определенно.

В особенности принимая во внимание тот факт, что одной из его исследовательских задач является выяснить меру и принципы исторической изменчивости такого содержания.

«Прозаическая и повседневная» задача морали

Роль морали в закономерной человеческой истории, или во всемирной социальной динамике, надстраивается у Дробницкого над той ролью, которую она играет в рамках столь же закономерной социальной статики. Обращение к этому обстоятельству – наиболее удобная стартовая точка для реализации основной цели данного исследования. Дробницкий фиксирует «прозаическую и повседневную задачу» морали, которую он описывает как «регулирование каждодневного поведения индивидов в существующем обществе» [Дробницкий, 1969, 365–366]. На месте понятия «существующее общество» у Дробницкого присутствуют и другие формулировки: «социальная система», «ограниченная социальная система», «самовоспроизводящаяся социальная система», «конкретное общество», «данное общество», «локальная общность» и т.д. «Повседневное функционирование социальной системы, – констатирует Дробницкий, – в целом было бы невозможно без поддержания единой для всех общественной дисциплины», которая опирается в том числе на исполнение «некоторых общечеловеческих, классово-нейтральных моральных норм» и некоторых моральных норм, которые «имеют классовое содержание» [Там же, 337–338]. При решении «прозаической и повседневной задачи» цели, а отчасти и методы морали смыкаются с целями и методами права и обычая, которые также направляют деятельность людей «в русле воспроизводства... уже существующих условий». Рассматривая мораль в этом контексте, мы видим в ней «определенный способ поведения, регуляцию этого поведения», которая «слагается из тех предписаний, норм и императивов, санкций за их исполнение или невыполнение, обычаев и привычек, которые ежечасно управляют действиями человека в наличной ситуации» [Там же, 368]. Обобщая: «Нравственная детерминация [поведения]... исторически возникает в качестве способа противодействия... тем факторам социально-природной детерминации, которые порождают противообщественные поступки» [Дробницкий, 1974, 252].

Ключевой вопрос, встающий в связи с этим пониманием природы морали, таков: зачем для решения «повседневной и прозаической задачи» нужна именно мораль, хотя ее параллельно решают обычай и право? У Дробницкого есть несколько ответов на этот вопрос. Все они являются вариациями той мысли, что у морали есть преимущества в качестве способа обеспечения социального мира и порядка. Эти преимущества связаны с разными сторонами моральной регуляции и могут рассматриваться в качестве причины ее существования. Три преимущества связаны с социальными вызовами, появившимися в период возникновения морали.

1. Моральную регуляцию можно считать адекватным ответом человеческих сообществ на индивидуализацию сознания и общественной жизни. Замкнутая

социальная система откликается на процесс индивидуализации тем, что пытается обеспечить активное участие сознания индивидов в регулировании их общественно значимого поведения. Дробницкий вводит это предположение при обсуждении феноменов моральной свободы и индивидуальной ответственности. Точкой отсчета для возникновения морали, по его мнению, является «кризис обычно-традиционного мышления», связанный с отчуждением индивида от рода и «возникновением механизма индивидуально-частных интересов и побуждений, расходившихся с законами жизни родового коллектива». В условиях кризиса «случаи умышленного отклонения от нормы становятся достаточно массовидными и их приходится учитывать как вполне реальную вероятность» [Дробницкий, 1969, 707]. Именно поэтому и появляется моральная регуляция с ее заповедями и запретами, действующими через индивидуальное сознание.

2. Ответом замкнутых социальных систем на процесс индивидуализации может быть объяснена не только апелляция моральных норм к индивидуальному сознанию, но и их неконкретизированный характер, оставляющий простор для «индивидуального усмотрения». Дробницкий пишет:

Нравственность является такой формой регуляции действий человека, которая учитывает... многоплановость, сложность, многообразие современных способов поведения. Ее общие нормы имеют, как уже говорилось, предельно обобщенный характер (они не предусматривают какой-то вполне конкретной формы поступка). Но общее требование вместе с тем конкретизируется всякий раз применительно к обстоятельствам, а во-вторых, применительно к конкретному субъекту действия [Дробницкий 1974, 327].

Нормы морали не задают поступки как таковые, но создают устойчивый просоциальный вектор индивидуальных решений.

3. Кроме потребности обеспечивать общественный мир и социальную дисциплину в индивидуализирующемся обществе, в ходе генезиса морали присутствовал и другой социальный вызов – локальные общности оказываются вынуждены противостоять социальному хаосу в условиях потери гомогенности и монолитности, в момент, когда они включаются в процесс «взаимного приобщения и ассимиляции». Складывается ситуация «столкновения разнородных или даже взаимоисключающих обычаев», которая может быть ситуацией простого узнавания об особенностях другого народа, ситуацией контактного взаимодействия между народами или ситуацией их сосуществования в рамках какого-то единого социально-политического целого. «В этих условиях, когда возникает необходимость либо взаимного приспособления и примирения обычаев, либо изживания одних, восприятия и культивирования других... [моральное требование] становится подлинно общечеловеческим, распространяющимся на все народы, преодолевая локалистский традиционализм их образа жизни и мышления» [Там же, 303]. Так можно объяснить универсальность моральных требований.

Параллельно Дробницкий обсуждает и те преимущества моральной регуляции, которые не связаны вызовами эпохи возникновения морали. Основное касается того способа, которым моральные нормы удовлетворяют потребности социального целого. Моральные нормы, по Дробницкому, целесообразны

не в каком-то одном, а «сразу в безграничном множестве отношений», каждая из них выражает «неисчерпаемое множество самых различных... человеческих потребностей», «является выражением универсальной *взаимосвязанности* различных потребностей человека и общества» [Дробницкий, 1969, 627]. Этим обстоятельством Дробницкий объясняет то, что отдельный моральный поступок часто выглядит как не приносящий пользы ни индивиду, ни сообществу. Однако в особом характере общественной целесообразности морального поступка можно обнаружить и одну из причин существования самой по себе моральной регуляции. Для Дробницкого такой ход мысли вполне характерен: «Если говорить об общечеловеческих нормах морали, то необходимость каждой из них в человеческой истории такова, что можно было бы сказать... что без нее общество было бы просто невозможно (невозможно себе представить общество, в котором люди, как правило, говорят друг другу только неправду, где убийство является общепринятой практикой и т.д.)» [Дробницкий, 1974, 373].

То, что мораль вписана в набор потребностей «ограниченных социальных систем», является, по мнению Дробницкого, важным аспектом связи между моралью и закономерностями общественной жизни. Однако на основе этого аспекта возникает однобокая и неудовлетворительная теория морали. Такой подход свойственен социологам, анализирующим общество на одномоментных исторических срезах, в его статике, и упускающим из виду его динамику. Дробницкий много критикует таких социологов и считает, что специфику моральной регуляции можно объяснить только в широкой исторической перспективе.

Накопление опыта или действие всемирно-исторических законов?

Дробницкий воспринимает мораль не просто динамически, но и прогрессистски. Для него она является такой формой нормативной регуляции, которая создает возможности для движения общества вперед. Одна из причин возникновения морали, по его мнению, состоит в том, что «надо было дополнить [традиционные установления замкнутых общностей] более универсальными формами управления человеческими действиями и мотивами, так чтобы в рамках каждого данного общественного состояния воспроизводящей себя системы оставалась открытой возможность ее *развития*» [Дробницкий, 1969, 359]. В ходе такого развития подвижные «постулаты» морали выступают в качестве логической формы, наполняемой все новым и новым нормативным содержанием. Так понятая мораль выглядит уже не как ответ на конкретные изменения-вызовы, с которыми сталкиваются замкнутые социальные системы (например, на вызов индивидуализации или вызов столкновения разных культур), а как универсальный механизм, позволяющий этим системам совершенствоваться.

Обсуждая прогрессивное движение в сфере социальной регуляции, Дробницкий многократно описывает его как накопление исторического опыта в виде «нормативно-ценностных представлений». Например: нравственные нормы «формируются в самом процессе совместной жизнедеятельности людей и массового общения. Историческое накопление социального опыта и его кристалли-

зация в социально-необходимых, обязательных для человека нормах поведения совершается в самой стихии жизненного бытия, повседневной практики и обыденного сознания общности» [Дробницкий, 1974, 259].

Это и многие другие подобные ему утверждения выглядят как описание вполне определенной модели отношений между моралью и историческим процессом. Человечество постоянно ищет оптимальные формы социального регулирования и закрепляет найденное в системе ценностей и норм. Накопление опыта регулирования можно рассматривать как своего рода закон социальной динамики, но лишь в том смысле, в каком закономерными являются поиск человеком удостоверенного (истинного) знания или стремление создавать все более и более совершенные технические приспособления. По-настоящему закономерна здесь только сама потребность, в то время как ее успешная реализация всего лишь очень вероятна, а формы реализации непредсказуемы.

Если бы история и мораль были связаны у Дробницкого только таким образом, то он не был бы философом-марксистом. А он остается убежденным последователем Маркса и Энгельса, поэтому накопление опыта, с его точки зрения, осуществляется не просто как результат успешного поиска нормативных «изобретений» и «ноу-хау», а как побочный продукт действия подлинных исторических закономерностей, тех, которые были явлены человечеству в виде теории исторического материализма. Проследим движение мысли Дробницкого в этом направлении.

Для марксистской этики бесспорной является констатация: «мораль обслуживает определенные общественные потребности». Однако если мы будем отождествлять ее с тезисом, что мораль обслуживает потребности «того или иного строя общества, при котором ее принимают и практикуют», потребности «ограниченной социальной системы», то моральная регуляция останется необъясненной в своих самых существенных характеристиках. Не будут понятны: а) способность обладателей морального сознания судить о состоянии того общества, членами которого они являются, б) вменение моральных обязанностей всем людям, в) утверждение моральных прав любого человека, а не только члена данного общества. Эта узость социально-функционалистских объяснений морали неоспорима и давно известна моральным философам. В этической мысли сформировались две высвечивающие ее антиномии: 1) содержание нравственных принципов отражает «общественно-индивидуальную целесообразность» или же носит абсолютный и самодостаточный характер, 2) мораль является общественным институтом или же выражает глубинную «самость» личности [Там же, 97–109]. Обсуждая эти антиномии, философы-идеалисты поставили вопрос о «внесоциальных» источниках морали и выдвинули предположение, что мораль выражает нечто «внеисторически-трансцендентное» и «личностное» [Дробницкий, 1969, 215].

Дробницкий считает такое предположение необоснованным, поскольку иллюзия трансцендентности морали, возникшая из-за ее несводимости к потребностям «ограниченной социальной системы», является следствием неправильного понимания «общественных потребностей». Потребности «ограниченных социальных систем», как и потребности отдельных «общественных субъектов (классов)» не тождественны «общественным потребностям» как таковым, по-

сколько носят частичный и вторичный характер по отношению к «сущностным законам исторической необходимости, по логике которых существуют, развиваются и уходят в прошлое конкретные социальные системы и классы» [Дробницкий, 1969, 215]. Отсюда следует, что соответствие морали «общественным потребностям» – это соответствие всему закономерному историческому процессу.

Таким образом, Дробницкий считает, что наиболее проникательные философы-идеалисты правы в том, что мораль трансцендентна по отношению к общественной практике на ее единовременных срезах, но эта трансцендентность не ведет нас во внеисторический мир самосовершенствования индивидов. Она лишь ставит перед нами вопрос о месте моральной регуляции и морального мировоззрения в закономерной мировой истории. И это касается не только нейтрального в нормативном отношении объяснения морали, но и имеющего нормативную силу выявления источников морального требования. «Моральное требование... – пишет Дробницкий, – имеет *обязующую власть* над человеком в силу условий, законов и необходимости общественного бытия более широкого плана, нежели условия и законы жизни локальной общности... источник и основание моральных требований... [находится] в сфере сущностных законов социального бытия (курсив мой. – А.П.)» [Там же, 241].

Мораль и классовая борьба

Если попытаться конкретизировать представление Дробницкого о связи морали с «сущностными законами социального бытия», то бросается в глаза внутренняя неоднородность этой связи. Она контрастно выражена в следующем высказывании: «Мораль как способ организации деятельности людей причастна к их историческому творчеству, а как форма сознания обладает исторической перспективой в видении социального мира» [Там же, 253]. То есть мораль включена в историческое развитие в качестве его существенного фактора, и одновременно мораль является одним из способов раскрытия (постижения) законов такого развития на уровне мировоззрения.

Оба аспекта определяются тем, что оценочные критерии морали могут применяться не только к поступкам индивидов, принадлежащих к какому-то обществу, но и к состоянию самого этого общества, к тому, как устроены его основополагающие институты. В докторской диссертации Дробницкий подчеркивает, что

люди, живущие в определенных условиях и отражающие в своих идеологических представлениях эти условия... способны – с моральной точки зрения – судить свою современность, предъявлять к ней требования с позиции еще не осуществленного, подвергать сущее критике. Основания этой критики и проекта на будущее находятся уже за рамками «социальной статики», за границами непосредственно наличных условий жизни в данном обществе. Они во всяком случае не могут быть простым выражением этих условий как совокупности фактических обстоятельств, а коренятся в сущностных противоречиях существующей социальной системы [Там же].

Сначала о первом аспекте связи между моралью и историческими закономерностями. Мораль является фактором исторического развития, поскольку представляет собой одно из пространств, в которых разворачивается процесс классовой борьбы, являющейся в историческом материализме двигателем мировой истории. В подтверждение этой мысли Дробницкий приводит следующую фразу Ленина: «...для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата». В ней главным является то, что Ленин подчиняет нравственность не интересу пролетариата как отдельного класса, а интересам самой по себе классовой борьбы, которая служит фактором «развития общества в целом» через «разрешение классового конфликта» [Дробницкий, 1969, 288]. Естественно, что и в других случаях нравственность также подчинена реализующейся в классовой борьбе «*объективной потребности* развития общества в целом».

Общественные классы выступают у Дробницкого в качестве «субъектов нравственной деятельности» и в качестве «субъектов морального сознания». В первой своей ипостаси они пытаются «утвердить в жизни новые формы поведения и образ жизнедеятельности, преобразовать нравы общества в целом», то есть по сути «создать новую форму морали и сделать ее законом... для всех» [Там же, 256]. Мораль классов, в отличие от нормативных систем словесного типа, «всегда имеет всеобщий характер. Ее законы формулируются таким образом, что им должны повиноваться и другие классы, все члены общества» [Там же, 337]. Во второй своей ипостаси класс в собственных «нравственных воззрениях... осознает (в той или иной мере адекватно) объективные исторические законы, потребности эпохи, через свои особые классовые интересы и позицию способен подняться до выражения интересов всего человечества» [Там же, 261]. Анализируя мораль как фактор исторического развития, мы сталкиваемся преимущественно о первой ипостасью класса (классом как субъектом нравственной деятельности).

Создавая «новую форму морали», в связи со спецификой моральной регуляции класс вынужден предъявлять свой интерес в особой форме – в виде претендующих на «правоту» требований и оценок. При этом класс не может делать вид, что только он претендует на правоту, не может не замечать своих оппонентов. «Моральное сознание» класса исходит из того, что есть и «противоположный интерес». Оно «судит о нем в плане более широком, общесоциальном». «Судит» оно и о своем интересе, «оправдывая его в противоположность “чужому” интересу, который оно не признает в качестве “законного”». Такие «суждения» отталкиваются понятий справедливости и равенства, имеющих устойчивое предельно общее содержание, которое Дробницкий называет «общечеловеческим», а именно: «соответствие воздаяния деяниям частных субъектов, адекватность вознаграждения благодеяния и наказания за преступление, соответствие прав обязанностям и др.» [Там же, 281]. Это предельно общее содержание («абстрактные критерии справедливости») используется субъектами исторического процесса (классами) в качестве исходной посылки при создании своего видения справедливых социальных институтов. Универсализуя собственные моральные требования, каждый класс представляет их не просто как истинные, общеобязательные,

правомерные, но и как выражение «общего блага». Это переводит классовую борьбу в «плоскость идейной борьбы – борьбы за сознание людей, убеждения и переубеждения, критики и доказательства, завоевания сочувствия и разоблачения несостоятельности противной позиции» [Дробницкий, 1969, 292]. Идейная борьба становится одним из факторов, влияющих на исход классовых противостояний.

Итак, участники полемики по вопросам равенства и справедливости предлагают свои варианты раскрытия этих нормативных понятий. Эти варианты отличаются большей или меньшей полнотой, большей или меньшей адекватностью. Чем более прогрессивен класс, выдвигающий «новую форму морали», тем более полным и адекватным является раскрытие моральных идей, тем сильнее моральная позиция класса, тем больше прав она имеет на то, чтобы считаться всеобщей. Другими словами, в истории имеет место сквозной идейный спор, победа в котором определенных участников предreshена в силу их места в процессе общественно-исторического развития (в силу их прогрессивности).

Хороший пример – обсуждение Дробницким справедливости всеобщего права на владение собственностью. Требование признать «правомерность частной собственности и связанных с ней гарантий» является ключевым для буржуазии как класса. «В своем нравственном выражении» оно означает, что в справедливом обществе должно быть институционально зафиксировано некое «всеобщее состояние» его членов, их «равноправное... положение». В условиях системы сословных привилегий и «прирожденных прав феодала» такое требование расширяло круг равноправных людей и уточняло нормативное содержание понятия «заслуга». Если более конкретно, то оно «имело в виду... равенство и свободу каждого “добиваться места в жизни”, “получать признание” по личным заслугам, усердию и талантам» и указывало на то, что вознаграждение заслуг должно быть «земным, материальным и общественным воздаянием» [Там же, 341–342].

Однако в равном праве на частную собственность «нравственная идея» равенства была воплощена неадекватно, поскольку даже идеально гарантированное право собственности сохраняет возможность эксплуатации и ведет к разнообразным неравенствам. В рамках буржуазной идеологии данное обстоятельство маскируется тезисом о том, что отношения между собственником средств производства и пролетарием, труд которого он использует, являются справедливым взаимно полезным сотрудничеством или просто обеспечивают высокую экономическую эффективность общества. Однако «класс-антагонист» (пролетариат), выдвигая свою «форму морали», соотносит буржуазный способ воплощения нравственной идеи с действительностью, вскрывает его неадекватность и требует, чтобы эта идея была конкретизирована или, наоборот, выражена более универсально. На основе переосмысления буржуазных представлений о справедливости рождается «социалистическое – “от каждого по способностям, каждому по труду”» [Там же, 342].

Трансформация содержательного наполнения идеи равенства неоднократно приводится Дробницким как пример развития моральных представлений в процессе классовой борьбы. Так, он пишет:

Первоначально это было равенство всех людей «от рождения» в праве на жизнь и элементарные условия существования (чем феодальная справедливость отличается от рабовладельческой, совершенно отказывающей рабу в каких-либо правах); затем – равенство всех перед законом, наконец, равенство в экономическом положении по отношению к средствам производства [Дробницкий, 1969, 281].

Ср. параллельный пассаж из монографии: [Дробницкий, 1974, 315].

Однако Дробницкий вовсе не считает, что пролетариат побеждает буржуазию посредством моральных аргументов, апеллирующих к идее равенства, и что моральная составляющая его борьбы важнее, чем практическая реализация экономического и политического интереса. Даже более того, он утверждает, что чем фундаментальнее социальная проблема, тем меньшую роль в ее разрешении играет убеждение противоположной стороны на основе моральных аргументов. В конце концов, «“выбор” единого для всех образа жизни осуществляется... средствами материально-экономического, политического и иного принуждения, вплоть до революционного насилия» [Дробницкий 1969, 400].

Приведенные Дробницким примеры из области развития моральных идей могут создать иллюзию, возможность возникновения которой он хорошо себе представляет. Это иллюзия того, что моральные ценности и нормы обладают независимым динамическим принципом, который состоит в углублении и расширении возникших в «незапамятной древности» концептов человеколюбия, равенства, справедливости. Так, наличие формального постулата равенства, который наполняется все новым и новым нормативным содержанием, создает следующую картину: «историческое развитие моральных идей о равенстве людей выступает как единая линия движения и преемственности человеческой мысли, как закономерное разворачивание “посылок”, в абстрактном виде сформулированных где-то в далеком прошлом» [Дробницкий, 1974, 320]. Однако Дробницкий считает, что «имманентное саморазвитие [моральных] идей» является такой же видимостью, как и самоочевидность «извечных абсолютных ценностей» [Там же, 321]. Упомянутая выше историческая картина пригодна лишь в рамках исследования логики морали или в рамках попыток задать ее определение. Ее нельзя использовать для понимания реального исторического процесса. Канву истории моральных представлений задает не движение мысли, а столкновение множества ситуативных факторов [Там же]. Кроме того, трансформация моральных идей, как мы уже знаем, предпринимается всемирно-историческими закономерностями, в реализации которых моральная составляющая (борьба общественных субъектов, связанная с обоснованием своей правоты) играет вспомогательную роль по отношению к социально-экономической и политической борьбе. Соответственно, можно сказать, что исходный набор моральных идей формирует лишь поле возможностей, а их реализация зависит от внеморальных детерминант.

Мораль и постижение закономерной истории

Вторая сторона приведенного выше высказывания Дробницкого по поводу морали и истории относилась к познавательной роли морали: «как форма сознания [мораль] обладает исторической перспективой в видении социального мира». У этой формулировки есть много параллелей: нравственное сознание «проникает в глубинные измерения человеческого бытия», «проникает сквозь завесу внешних явлений в сущностные определения человека как субъекта истории», способно «раскрыть содержание и природу общеисторических закономерностей», «люди как моральные агенты постигают сущностные определения своего исторического становления» и т.д. и т.п.

С этими утверждениями связаны две существенные проблемы. Первая – проблема самой возможности решения ценностным сознанием познавательных задач. Каким образом требования долга и критерии оценки могут стать основой для ответа на вопрос о том, как устроен «социальный мир», то есть по каким законам он функционирует и изменяется? В этом отношении в мышлении Дробницкого нет единства. С одной стороны, он подчеркивает родство добра и истины в части их общезначимости и утверждает, что моральные требования и оценки обладают когнитивным статусом: «Мораль – это то же “понятие”, понимание человеком своей действительности, включая не только факты наличной ситуации, но также и тенденции, возможности и перспективы, альтернативы и проблемы ее развития, включая смысл и значение истории для человека» [Дробницкий, 1971, 320–321]. С другой стороны, он ставит такой статус под сомнение: «Способ мышления нравственности не равнозначен научно-теоретическому или философско-историческому; он не притязает на постижение внутренних механизмов и объективных закономерностей социально-исторического процесса» [Дробницкий, 1974, 365].

Но даже если согласиться с тем, что моральные суждения имеют когнитивный статус, сохраняется вторая проблема. Невозможно отрицать, что та деятельность, которая направлена на получение знания непосредственно, справляется познавательными задачами лучше. В случае с историческим процессом это философия истории (у Дробницкого – материалистическая и марксистская). Зачем тогда вообще вести речь о познавательной роли морального сознания, чье проникновение в природу социально-исторического развития даже в самом лучшем случае является частичным и опосредованным? Для того чтобы разобраться в этом, необходимо выявить конкретный смысл утверждений Дробницкого о том, что нравственное сознание «проникает в глубинные измерения человеческого бытия» и способно «раскрыть содержание и природу общеисторических закономерностей». Хотя вернее было бы вести речь не о смысле, а о нескольких смыслах.

Первый из них таков – мораль черпает в истории свою обоснованность, сама претензия моральных требований и оценок на объективность связана с тем, что они отражают исторические закономерности. Моральное сознание, замечает Дробницкий, «способно проникать иногда сквозь наличную действительность в область “сущностных” и предельно широких определений человеческого бытия, истории, смысла происходящей борьбы между классами. Там

оно и находит объективные основания для своих требований изменения сущего и для оценок наличной действительности» [Дробницкий, 1969, 308]. «То, к чему апеллирует... нравственное сознание – сущностный закон человеческого бытия, – продолжает философ другом месте, – может быть только объективным законом исторического самодвижения, законом, не реализующимся целиком в той или иной конкретной форме социальных отношений, но вызывающим историческую смену и преемственность этих отношений» [Там же, 360]. Однако, как мы уже знаем, такая апелляция большую часть времени существования морального сознания являлась непрямой, прикрытой различными образами внеисторического трансцендентного начала. А это значит, что даже если здесь и имеет место какая-то форма «проникновения» в глубины исторического процесса, то явно отсутствует «раскрытие содержания» его законов.

Другие смыслы совмещают оба аспекта. Так, именно моральное сознание, выполняющее свою социально-критическую функцию, инициирует поиск целостного и связного видения истории человечества. Дробницкий утверждает, что «мораль... представляет собой одну из первоструктур того типа мышления цивилизации, которое в последующем рождает философско-историческое и, более широко, рационально-теоретическое, мышление человека о самом себе» [Дробницкий, 1974, 324]. Именно «в нравственном сознании благодаря “абсолютным ценностям” впервые только и создается перспектива исторического мировосприятия» [Там же, 304]. Если более конкретно, то речь идет о том, что представление о едином моральном законе заставляет мыслителей искать законы человеческой истории [Дробницкий, 1969, 334].

Кроме того, моральное сознание указывает на сквозные общественные проблемы, которые возникают и преодолеваются в ходе закономерного исторического развития. Если обычай выражает «социально-историческую необходимость» в качестве уже осуществившейся («задним числом»), то в морали эта необходимость «дает о себе знать в виде еще не реализованной потребности, в “требовании времени”, конфликте интересов, в противоречивом соотношении исторической тенденции и консервативного наличного состояния... В моральном сознании отражается и выражается... нерешенная практическая проблема... которой еще только чревата существующая действительность» [Дробницкий, 1974, 270].

Наконец, моральное сознание играет прогностическую роль, то есть «“угадывает” контуры исторических тенденций» и «полагает и предвосхищает будущее». Оно не просто ставит проблемы, но и создает картину их грядущего разрешения. Минус такой прогностики состоит в том, что «нравственная логика рассуждения основывается на представлении, что общественное состояние образуется из простой совокупности индивидуальных акций и стремлений к совершенству». Однако «рано или поздно» моральное сознание «подводит к мысли о том, что необходимы соответствующие объективные условия, чтобы все люди могли жить по законам нравственности». Именно в этой точке «моральное сознание... смыкается с социально-историческим воззрением на общество» [Дробницкий, 1969, 758].

Текст диссертации и монографии Дробницкого не богат примерами постановки проблем и предвидения способов их разрешения. Однако в небольшой

работе «Научная истина и моральное добро» (1971) есть очень яркая зарисовка, касающаяся фундаментального морального принципа «не убивай!». Требование «не убивай!» фиксирует всеобщий категорический долг. Ни один человек не должен убивать другого человека. В формулировке не содержится никаких исключений. Она присутствует в моральном сознании во всей своей «ригористической непримиримости». Но здравый смысл подсказывает, что в общественных условиях, предопределяющих высокую степень себялюбия и существование различных источников вражды между людьми, эта норма невыполнима. И даже более того, попытки строго ее соблюдать делают уязвимым общественное целое. В результате норма обрастает оговорками, превращающими убийство другого в нечто допустимое или обязательное в особых ситуациях («одно дело умертвить врага общества и нации, другое – отнять жизнь у гражданина своего государства по своекорыстным мотивам») [Дробницкий, 1971, 309].

Однако такие оговорки в системе координат морального сознания выглядят неубедительно, и сохраняющий принципиальность моральный агент приходит к следующему выводу: «Если в определенных условиях умерщвление человека является абсолютной необходимостью, то, значит, сами эти условия не являются во всем моральными, значит, должно быть в конечном итоге осуществлено такое общественное состояние, в котором умерщвление человека станет ненужным» [Там же, 311]. Этот сугубо моральный вывод подтверждает и «логика истории», которую обнаруживает исторический материализм. В соответствии с этой логикой «будущее принадлежит коммунизму – обществу без насилия и войн» [Там же, 310].

В этом выводы исторического материализма и общественный идеал, опирающийся на требования морали, совпадают. Отличие состоит в том, что моральное сознание указывало на коммунистическое общество без доказательств возможности и необходимости его возникновения, без знания эффективных методов, способствующих его достижению, без знания точного момента его достижения. Но зато моральное сознание было способно предвосхитить коммунистическое общество тогда, когда человечество, еще не создавшее марксистское учение, «не могло знать, что ожидает его в будущем». «Мораль, – утверждает Дробницкий, – в некоторых своих кардинальных положениях... является... “предположением”, проверку истинности которого совершает позднейшая наука» [Там же, 309].

Обобщая, можно сказать, что у Дробницкого преобладает модель временного замещения моральными оценками подлинного знания о законах исторического развития. Соответственно, познавательное значение морали изживает себя с возникновением исторического материализма. Но это не означает, что появление научного мировоззрения делает мораль ненужной. Мораль сохраняет свою регулирующую и мобилизующую роль.

Заключение

Итак, Дробницкий подчиняет мораль историческим закономерностям в их марксистском понимании, объясняет этой подчиненностью обнаруживаемую феноменологически внеположенность морали по отношению к социальной практике «замкнутых общественных систем» («культурно-исторических сообществ»), связывает основные изменения в области моральных ценностей и норм с классовым фактором – с чередой сменяющих друг друга классов, которые закономерно приобретают, а потом теряют статус прогрессивных. Однако он не лишает при этом мораль позитивной роли как в повседневном регулировании общественно значимого поведения, так и в прогрессивном развитии человечества, в ходе которого все более и более полно воплощаются идеи равенства и справедливости.

Нельзя не заметить, что его подход к решению проблемы «мораль и история» чреват существенными угрозами для морального сознания. Поиск законов исторического развития человечества (в отличие от поиска частных исторических тенденций) упирается в нехватку работающих методологических инструментов. И это ведет не только к тому, что основой объяснения всех культурно-исторических явлений становится неудововеренная теоретическая модель. Подчинение моральной оценки глобальной картине исторических изменений и основанным на ней прогнозам ведет к тому, что многие массовые действия и политические решения, противоречащие фундаментальным принципам морали, начинают выглядеть морально оправданными в свете их предполагаемого всемирно-исторического значения. Исторический материализм, скрещенный с нормативной этикой, радикально искажает проблематику целей и средств в политике.

Однако вместе с тем следует признать, что, пытаясь встроить логику и историческую динамику морального сознания в общую картину истории, Дробницкий решает важнейшую задачу моральной философии. Мы знаем, что моральные требования воспринимаются как объективные и универсальные, а значит, надысторические и неизменные. С другой стороны, мы знаем, что мораль меняется в некоторых существенных своих проявлениях, и это ведет к смене оценки многих общественных институтов (от рабства до получения процента по кредиту). Эти изменения на фоне постулируемой неизменности приходится как-то объяснять. При этом объяснение, которое отождествляет изменения с преодолением ошибок, а по сути, с избавлением от морального одобрения чего-то безнравственного, ведет к радикальному и повсеместному осуждению обществ и индивидов прошлого (худшим эксцессам культуры отмены). А если попытаться избежать этого наивного и опасного представления, то так называемую «проблему моральных изменений» приходится решать именно на путях совмещения какого-то сквозного понимания истории общества с таким же сквозным пониманием истории морали. Что и пытался сделать Дробницкий.

Morality and Laws of History in Marxist Ethics (the Case of O.G. Drobnitskii)

Andrey V. Prokofyev

RAS Institute of Philosophy. 12/1 Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.

ORCID 0000-0001-5015-8226

e-mail: avprok2006@mail.ru

The article analyses the famous Soviet ethicist O.G. Drobnitskii's views on the place of morality in the history of mankind conforming to 'the laws of social being'. Drobnitskii points out that morality solves the 'prosaic and everyday' task of regulating the behaviour of members of a 'closed social system'. Moral requirements and mechanisms of their realisation prevent the commission of antisocial acts. However, the nature of moral requirements is such that their existence cannot be explained solely by their 'prosaic and everyday' task. In idealist ethics, it is considered a result of 'extra-historical-transcendent' and 'personal' sources of morality. However, Drobnitskii proposes another solution of the problem: morality meets the needs not only of 'closed social systems' but also of the whole of humanity involved in world-historical development. The formal 'postulates of morality' (first of all, the idea of universal equality) are filled with more and more adequate normative content in the process of class struggle, and this contributes to the victory of the progressive classes. At the same time, moral requirements guess and anticipate the predetermined future of mankind – a society without exploitation, violence and war.

Keywords: morality, ethics, laws of history, social statics, class struggle, equality, communism

Литература / References

Апресян Р.Г.* Проблема всеобщности в советской этике 1960-х – 1970-х гг. // Универсальность в морали: Коллективная монография / Отв. ред. Р.Г. Апресян*. М.: ООО «Садра», 2021.

Apressyan, R.G. "Problema vseobschnosti v sovetskoi etike" [The Problem of Universality in Soviet Ethics in the 1960s–1970s], *Universal'nost' v morali: kollektivnaya monografiya* [Universality in Morality: Collective Monograph], ed. by R.G. Apressyan. Moscow: ООО "Sadra" Publ., 2021. (In Russian)

Дробницкий О.Г. Научная истина и моральное добро // Наука и нравственность / Сост. В.И. Толстых. М.: Политиздат, 1971. С. 268–322.

Drobnitskii, O.G. "Nauchnaya istina i moral'noe dobro" [Scientific Truth and Moral Good], *Nauka i нравственность*, comp. by V.I. Tolstykh. Moscow: Politizdat Publ., 1971, pp. 268–322. (In Russian)

Дробницкий О.Г. Моральное сознание (Вопросы специфики, природы, логики и структуры нравственности. Критика буржуазных концепций морали). Дис. ... д-ра филос. наук. М., 1969.

Drobnitskii, O.G. *Moral'noe soznanie: Voprosy spetsifiki, prirody, logiki i struktury нравственности. Kritika burzhuaiznykh kontseptsii morali* [Moral Consciousness: Specificity, Nature, Logic, and Structure of Morality. Criticism of Bourgeois Concepts of Morality]. Doctoral (Philosophy) Dissertation. Moscow, 1969. (In Russian)

- Дробницкий О.Г. Понятие морали. Историко-критический очерк. М.: Наука, 1974.
Drobnitskii, O.G. *Ponyatie morali. Istoriko-kriticheskii ocherk* [The Concept of Morality: Historical-Critical Essay]. Moscow: Nauka Publ., 1974. (In Russian)
- Курхинен П. Проблема сущности морали в этической концепции Олега Григорьевича Дробницкого. Дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2015.
Kurhinen, P. *Problema sushchnosti morali v eticheskoi kontseptsii Olega Grigor'evicha Drobnitskogo* [The Problem of the Essence of Morality in the Ethical Conception of Oleg Grigorievich Drobnitskii]. Cand. sci. (Philosophy) Dissertation. St. Petersburg, 2015. (In Russian)
- Гусейнов А.А. Маркс и марксистские традиции // История этических учений: Учебник для вузов / Под ред. А.А. Гусейнова. М.: Академический проект; Трикста, 2015. С. 646–652.
Guseinov, A.A. "Marks i marksistskie traditsii" [Marx and Marxists Traditions], *Istoriya eticheskikh uchenii: Uchebnik dlya vuzov* [The History of Ethical Teachings: Textbook], ed. A.A. Guseinov. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.; Trikssta Publ., 2015, pp. 646–652. (In Russian)
- Апрессян, Р. "The Concept of Universality in Oleg Drobnitskii's Moral Philosophy", *Studies in East European Thought*, 2021, Vol. 73, No. 1, pp. 95–112.